

tropical island Asia-Pacific region // Quaternary International. 2011. Vol. 239. P. 8–18.

49. Wagner G., Hilbert K., Bandeira D., et al. Sambaquis (shell mounds) of the Brazilian coast // Quaternary International. 2011. Vol. 239. P. 51–60.

50. Rocks-Macqueen 2016: Agent Based Predictive Models in Archaeology. PhD thesis, University of Edinburgh.

51. Verhagen P., Whitley T.G. Integrating Archaeological Theory and Predictive Modelling: a Live Report from the Scene // Journal of Archaeological Method Theory. 2012. Vol. 19. P. 49–100.

52. Hunt E.D. Upgrading site-catchment analyses with the use of GIS: investigating the settlement patterns

of horticulturalists // World Archaeology. 1992. Vol. 24, № 2, Analytical Field Survey (Oct., 1992). P. 283–309.

53. Jarman M.R., Vita-Finzi C., Higgs E.S. Site catchment analysis in archaeology // Man, settlement and urbanism / ed. P. Ucko, R. Tringham, G.W. Dimbleby. London, 1972. P. 61–66.

54. Hermand J.-P., Grøn O., Asch M., Ren Q. Modeling flint acoustics for detection of submerged Stone Age sites. Proc. OCEANS'11 MTS/IEEE Kona Conf. (Oceans of Opportunity: International cooperation and partnership across the Pacific), Institute of Electrical and Electronics Engineers, IEEE, 2011. 9 p.

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ДИНАМИКА РЕСУРСОВ В «ДИКИХ» ДОИСТОРИЧЕСКИХ ЛАНДШАФТАХ

© 2018

Грён Оле, доктор наук, научный сотрудник кафедры наук о Земле и управления природными ресурсами
Копенгагенский университет (г. Копенгаген, Королевство Дания)

Аннотация. На основе археологических и этноархеологических данных в этой статье обсуждается пространственно-временная динамика ресурсов в «диких» доисторических ландшафтах, т.е. ландшафтах, не подвергавшихся воздействию современного монокультурного сельского хозяйства, но потенциально испытавших влияние другими способами. В археологической среде, занимающейся моделированием расположения поселений каменного века, преобладает мнение, которое заключается в том, что ресурсы в таких ландшафтах довольно стабильны и равномерно распределены. Однако такая концепция была оставлена в ландшафтной экологии в середине 1990-х годов, поскольку она не соответствовала наблюдаемой экологической реальности и была заменена на гораздо более сложные математические модели, допускающие, что различные виды растений и животных, как правило, появляются в высокодинамичных «микроареалах». Таким образом, обновление археологических дебатов и исследовательских инициатив, связанных с моделированием районов обитания в каменном веке, давно назрело. Центральной проблемой в этом отношении является то, следует ли считать динамическое пространственно-временное поведение ресурсов в этих ландшафтах настолько сложным, что его восстановление в конкретных микрорайонах, а значит и точное моделирование потенциальных зон поселений каменного века, невозможно. Тот факт, что человеческие культурные группы, в отличие от животных и растительных сообществ, часто демонстрируют различное поведение в сходных экологических ситуациях из-за того, что они разработали разные стратегии и традиции, не оставляет большой надежды.

Ключевые слова: топографическое моделирование ландшафтов; структура поселений охотников-собирателей; экономика охотников-собирателей; динамика ресурсов; собиратели; ландшафтная экология; локальная динамика; мозаичные ландшафты; лесные пожары; последствия штормов и наводнений.

УДК 903.7

DOI 10.24411/2309-4370-2018-14203

Статья поступила в редакцию 26.08.2018

ПИЩЕВЫЕ РЕСУРСЫ В ЭКОНОМИКЕ И РИТУАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ СЕВЕРОМЕСОПОТАМСКИХ СООБЩЕСТВ ПЕРЕХОДНОЙ К НЕОЛИТУ ЭПОХИ

© 2018

Корниенко Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории
Воронежский государственный педагогический университет (г. Воронеж, Российская Федерация)

Аннотация. Окончательное утверждение сельскохозяйственной экономики в центральной зоне Плодородного полумесяца произошло в период позднего докерамического неолита (PPNB), тогда как взлет символизма, выстраивание сложных общественных отношений у населения Северной Месопотамии приходится на эпоху раннего докерамического неолита (PPNA). Для этого времени в Юго-Восточной Анатолии (районе, где открыт долговременный межплеменной культовый центр Гёбекли Тепе), в отличие от соседнего Леванта, domestикация каких-либо видов растений еще не фиксируется. В статье обсуждаются возможные модели становления производящего хозяйства в рассматриваемом регионе, анализируются материалы, дающие основание полагать, что ритуальные практики эпохи перехода к неолиту в ряде случаев могли способствовать появлению и распространению новых экономических стратегий на территории Северной Месопотамии. При этом сопоставление результатов естественнонаучных исследований климатических изменений, археоботанических и археозоологических коллекций и материальных свидетельств развития социальной и духовной жизни с памятников эпипалеолита и раннего неолита Северной Месопотамии показывает коэволюционное влияние человека и окружающей его природной среды. На наш взгляд, исходя из современных данных, нельзя утверждать первенство «революции символов» в процессе неолитизации по отношению к ранним попыткам культивирования растений.

Ключевые слова: Северная Месопотамия; Левант; переход от плейстоцена к голоцену; климатические колебания; процесс неолитизации; оседлость; экономические стратегии; охота; собирательство; domestикация растений; domestикация животных; пища; пир; культ быка; ритуальные центры; культовые практики; козоводство.

Плодородный полумесяц – одна из немногих на Земле зон, где независимо и одним из первых произошел переход к производящей экономике. Здесь было положено начало сельскохозяйственных традиций, на основе которых сложились цивилизации Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки и Европы.

Еще в 1880-х гг. создатель одной из первых научных концепций о происхождении культурных растений, швейцарский ботаник А. де Кандоль, предположил, что культура земледелия зарождалась не на равнинных приречных участках, а в предгорных и горных районах. Полвека спустя экспедиции выдающегося русского биолога Н.И. Вавилова доказали это предположение. Именно в предгорных и горных районах многих стран было выявлено наибольшее сортовое и видовое разнообразие предковых видов культурных растений. Н.И. Вавилов отнес территорию Плодородного полумесяца к первичным очагам распространения производящей экономики [1; 2].

В.А. Шнирельман, опираясь на теорию очагового становления производящего хозяйства, разрабатывавшуюся в трудах Н.И. Вавилова, выделяет шесть микроочагов в Передней Азии, отмечая специфический для каждого набор domesticiрованных растений: восточномесопотамский, охватывающий Палестину и Юго-Западную Сирию; северосирийский; юго-восточноанатолийский; загросский; южноанатолийский, вероятно носивший вторичный характер, и закавказский, где процесс domestикации, возможно, также проходил несколько позже [3; 4, с. 31–96, с. 376–377]. Один из ведущих археоботаников современности, работающий с материалами Юго-Западной Азии, Дж. Уиллкс, опираясь на результаты многолетних исследований, в своей недавней публикации делает вывод о наличии в зоне Плодородного полумесяца 5 очагов (как групп/кластеров поселений) зарождавшейся традиции возделывания диких злаков (рис. 1), предупреждая, что эти данные могут еще уточняться [5].

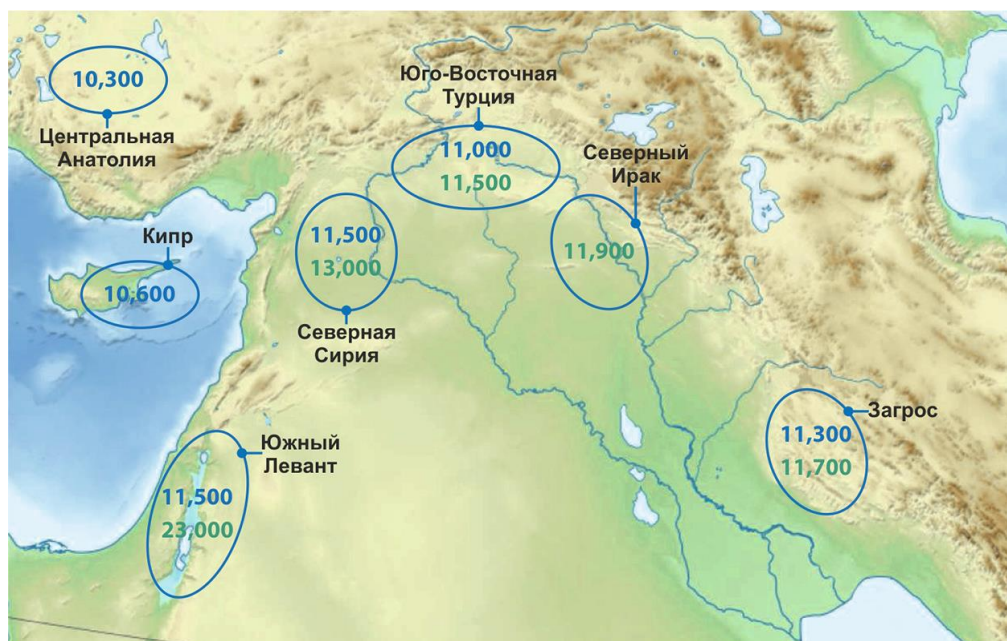

Рисунок 1 – Карта Юго-Западной Азии с указанием основных очагов происхождения земледелия. Зеленым цветом даны даты (калиброванные) фиксации раннего использования человеком растений, синим – фиксации domestикации растений (по: [5])

Вопросы «почему там и тогда, каким образом» свершился переход к производящему хозяйству, поставленные в середине прошлого века [6–8], до сих пор активно дискутируются. Вместе с тем полевые и лабораторные исследования подтверждают, что начиная с раннего голоцена, в эпоху глобального потепления климата, предгорные территории Плодородного полумесяца, находившиеся на границе лесов и степей в зоне естественного дождевания (где выпадает количество атмосферных осадков, достаточное для интенсивного собирательства и неполивного земледелия), становятся весьма благоприятными для жизни человеческих коллективов. Соседство нескольких природно-климатических зон, наличие сейсмически активных разломов, очевидно, способствовало мутациям и гибридизации животных и расте-

ний, что приводило к повышенному видовому многообразию. Это привлекало эппалеолитических охотников и собирателей, создавало предпосылки для появления у них оседлости, демографического роста, первых опытов по domestикации растений и животных.

Принципиально, что раннеголоценовый глобальный теплый тренд не был монотонным, а нарушался рядом кратковременных похолоданий, и эти колебания температур усугубляют проблему влияния климата на социально-экономические процессы эпохи неолитизации на Ближнем Востоке [9, с. 26–27; 10]. Как обобщают Ю.Е. Берёзкин [11, с. 20] и О. Бар-Йозеф [12, р. 305, р. 307–309, fig. 19: 2], в период после последнего ледникового максимума (25/24000–19/18000 лет назад, здесь и далее даты калиброван-

ные), которому в Передней Азии соответствует крайняя аридизация, в жизни мобильных охотников и собирателей региона наметились изменения (кебарийская и небекийская культуры). С началом резкого глобального потепления и, соответственно, увеличения влажности в южных засушливых областях начался быстрый культурный прогресс, связанный с переходом к специализированному собирательству зерновых и бобовых (ранний Натуф, примерно 15/14500–13500 лет назад). Пережив ухудшение условий в период позднего дриаса (12800–11700 лет назад; поздний Натуф – примерно 13500–11700 лет назад), люди воспользовались устойчивым увлажнением эпохи раннего голоцена и от специализированного собирательства перешли к настоящему земледелию (докерамический неолит А, примерно 11700–10500 лет назад), а в VIII тыс. до н.э. (средний докерамический неолит Б; весь PPNB – примерно 10500–8200 лет назад) – и к скотоводству. При этом стоит иметь в виду, что переход к сельскому хозяйству осуществлялся на протяжении нескольких тысячелетий в различных частях Плодородного полумесяца не только разными путями (с доместикацией различных видов растений и животных), но и не всегда синхронно и зачастую далеко не последовательно, о чем говорят результаты комплексных исследований последних десятилетий.

На этом фоне обсуждаемая с 90-х годов XX века теория Ж. Ковена о «революции символов» в неолите Передней Азии может быть уточнена при сопоставлении имеющихся свидетельств символического содержания и данных естественнонаучных дисциплин по материалам памятников времен эпипалеолита и раннего неолита. Напомним, что Ж. Ковен выделял принципиальные сдвиги в общественном сознании на территории Леванта в хиамский, переходный от эпохи Натуф к этапу PPNB, период. Он полагал, что социальные системы, идеология и ритуальные практики изменились до, а не как следствие появления земледелия [13, р. 277]. В Восточной Анатолии, по его мнению, неолитические культуры появляются в ходе вторичной «экономической» неолитизации [13, р. 124, 163].

В исследованиях по вопросам становления производящего хозяйства в Передней Азии авторы обычно делают акцент на материалах наиболее изученной части Плодородного полумесяца, его западного крыла – Леванта. Иногда такие публикации носят откровенно «левантоцентристский» характер [13; 12]. Задача настоящей работы – сосредоточить внимание на прохождении процессов доместикации в северомесопотамском регионе, рассмотрев их в связи с изменениями социального развития, оформлением новых ритуальных практик и идеологических установок у переходивших к неолитическому образу жизни групп населения.

Северная Месопотамия, являясь центральной частью Плодородного полумесяца и отличаясь определенной спецификой в свидетельствах материальной культуры, включает в себя три из выделяемых очагов становления производящего хозяйства, локализирующихся в Северной Сирии, Юго-Восточной Турции и Северном Ираке. К настоящему времени выясняется, что на территории Юго-Восточной Турции злаки уже использовались 11500 лет назад, в Северном Ираке – около 12000 лет назад, в Северной Сирии – 13000 лет назад. В Южном Леванте их наличие за-

свидетельствовано материалами возрастом 23000 лет (органические остатки с поселения Охало II). 14000 лет назад в долговременных жилищах стационарных поселений этого региона стали активно использовать ступки и пестики, терочные камни. Также распространение получают достаточно эффективные и замечательные по своему оформлению жатвенные инструменты в виде ножей в роговых, костяных или деревянных оправах, украшенных иногда зооморфными изображениями и оснащенных острыми кремниевыми пластинками или геометрическими микролитами. Эти находки рубежа плейстоцена и голоцена не позволяют провести однозначное разграничение между собирательством и возделыванием злаков, но ряд косвенных свидетельств, а также трасологический анализ указывают на то, что сообщества того времени (Натуф и даже ранее) уже экспериментировали с растениеводством [14; 5; 12, р. 307–309].

Если обратиться к установленным датам времени появления растений с признаками доместикации, можно заметить, что по материалам памятников Северной Сирии оно определяется близким с материалами Южного Леванта (рис. 1). Северосирийский кластер поселений включает Абу Хурейру, Халулу, Мурейбит, Джерф эль-Ахмар, Телль Абр, Джаду и некоторые другие. Джерф эль-Ахмар, Мурейбит, Халула и Абу Хурейра здесь южные памятники, расположенные в регионе, где среднегодовое количество осадков составляет 150–250 мм. В Джада, находящемся 50 км выше по течению от Джерф эль-Ахмар, – около 300 мм; в Телль Абр, 25 км севернее, среднегодовое количество осадков примерно совпадает с Джада. Еще одно северосирийское поселение – Телль Карамель – несколько отдалено от евфратской группы памятников и находится на берегу реки Кувайк примерно в 25 км от Алеппо, здесь среднегодовое количество осадков составляет приблизительно 400 мм, что значительно больше, чем на евфратских поселениях. Датировки памятников, основанные на свыше ста радиоуглеродных дат, показывают, что Абу Хурейра I (13250–12750 лет назад) относится к позднепозднатуфийскому периоду до позднего дриаса. Мурейбит I (12500–12000, поздний Натуф) и Мурейбит II (12000–11500, переходная от Натуфа к PPNB хиамская культура), как и ранние слои Телль Карамель (12000–11500, хиамская культура) относятся ко времени позднего дриаса. Джерф эль-Ахмар (11500–11000), Телль Абр (11500–11200) и Мурейбит III (11500–11200) – все ранний докерамический неолит А, а также Джада (11000–10300, ранний PPNB), Абу Хурейра II (10000–9300, средний PPNB) и Халула (9800–9300, средний PPNB) уже функционировали в условиях раннего голоцена [15; 16, р. 151–153, fig. 1, tabl. 1; 17, р. 105–108].

Климат в период позднего дриаса, определяющийся путем изучения изменений уровня воды в озерах, исследованием диатомовых водорослей и анализом стабильных изотопов, был более прохладным и сухим, нежели сегодня [16, р. 152]. Засушливость сохранялась в связи с тем, что из-за более низкой температуры с поверхности земли, а также растениями испарялось сравнительно небольшое количество влаги. Зоны растительности (и уровень моря) в то время располагались ниже. Еще в промежутке между окончанием ледникового периода и началом позднего дриаса лесная растительность распространялась на низменностях. В районе евфратских посе-

лений в период позднего дриаса, в частности в Мурейбите I и II (290 м над уровнем моря), были распространены фисташка, злаковые травы и дуб [17, р. 105–107], соответственно эти ресурсы там оставались доступными и в период ухудшения климата.

Эпоха раннего голоцена характеризуется ростом температуры и увеличением количества осадков. Тем не менее на поселениях, расположенных высоко над уровнем моря, количество образцов степных видов остается внушительным, при этом данные с территорий вблизи озер на малой высоте и исследование кернов из морских залежей указывают на распространение лесных насаждений в Юго-Западной Азии [18; 19]. Это также хорошо фиксируется свидетельствами поселений среднего Евфрата с учетом обнаруженных там обугленных растительных остатков, среди которых выявлены плоды фисташки (*Pistacia*) и миндаля (*Amygdalus*) в Джерф эль-Ахмар и Джада [16, р. 152].

По результатам археоботанических исследований эпипалеолитических и раннеолитических памятников северосирийского региона Дж. Уиллкокс с коллегами отмечают, что изменение частоты встречаемости в зависимости от уровня залегания обугленных остатков конкретных пищевых растений указывает на фиксацию долговременных и многовариантных экспериментальных попыток в процессе становления земледелия. Так, в более прохладном климате позднего плейстоцена, включая поздний дриас, рожь активно использовали в Абу Хурейре I, Мурейбите I и II, хотя она и являлась менее важным злаком по сравнению с горцем/щавелем (*Polygonum/Rumex*), собираемым в пойме Евфрата. Последние, будучи менее подвержены нестабильным климатическим условиям, представляли собой более надежный источник пропитания. Дикая рожь (*Secale* sp.) – злак, произрастающий в прохладном климате. В Джерф эль-Ахмар количество обнаруженных свидетельств ржи сокращается от нижнего к верхнему слою, а на более поздних памятниках они встречаются редко или отсутствуют вовсе. Предполагало ли использование ржи собирательство, культивацию или и то, и другое, в любом случае эти процессы осуществлялись в небольших масштабах, так как уровень встречаемости ржи в археологических слоях невысок, и в случае культивации она вряд ли могла обеспечивать существовавшие потребности [16, р. 152–154]. Потухший вулкан Караджа Даг (1000 м над уровнем моря, свыше 200 км к северу от Абу Хурейры) фиксируется как ближайшая к рассматриваемому кластеру поселений область, где на базальтовых массивах дикая рожь произрастает и сегодня [16, р. 152, fig. 1, р. 154]. Как считают работавшие с материалами северомесопотамских памятников археоботаники, в эпоху позднего плейстоцена условия прохладного климата, вероятно, позволили дикой ржи распространиться в районы южнее Караджа Дага. В период позднего дриаса самые южные евфратские поселения были расположены за пределами или на самой границе ареала произрастания дикой ржи и пшеницы-однозернянки. В эпоху голоцена рожь постепенно выходит из употребления, поскольку не может противостоять меняющимся на этой высоте над уровнем моря температурам. В Телль Карамель рожь отсутствует, доминирующим злаком здесь является дикая однозернянка. Дикая двузернянка (*Triticum dicoccoides*) отсутствует на самых ранних евфратских поселениях, впервые появившись в Джада на этапе

раннего PPNB. Данные, полученные на поселениях Абу Хурейра II и Халула, свидетельствуют, что к этапу среднего докерамического неолита Б двузернянка стала основным видом одомашненной пшеницы, выращиваемой в рассматриваемом регионе. Зерна дикого ячменя (*Hordeum spontaneum*) на Телль Абу Хурейра I отсутствуют полностью, на Мурейбите I и II обнаружены в количестве всего лишь 5 единиц. В начале эпохи голоцена ячмень становится все более частотным злаком и постепенно замещает рожь и пшеницу-однозернянку. Дикий ячмень – единственный дикий злак, который и сегодня естественным образом произрастает в регионе, где расположены евфратские памятники. Он более устойчив к жарким, сухим условиям и бедным почвам, чем рожь и однозернянка. Возможно, во время последнего ледникового периода его ареал произрастания располагался южнее, а затем, по мере повышения температуры, расширился и в северном направлении, таким образом, данный злак в конечном итоге стал самым распространенным. После позднего дриаса, по мере потепления в эпоху раннего голоцена, количество ржи снижалось, в обиходе стали появляться дикая пшеница-двузернянка и ячмень, поскольку они оказались более приспособленными к потеплевшему климату. Собирательство горца/щавеля и других мелкосеменных пищевых растений сократилось [16, р. 153, tabl. 1, р. 154, fig. 2, р. 156, fig. 3].

В начале голоцена повысилась встречаемость бобовых (прежде всего чечевицы, но также нута, горошка, боба обыкновенного). Регион вдоль по течению Евфрата в Северной Сирии представляет собой далеко не лучшее место для диких чечевичных, в связи с чем Дж. Уиллкокс с коллегами полагают, что рост их встречаемости в раннеолитических слоях можно объяснить как раз зарождением земледелия [16, р. 155]. Образцы фисташки встречаются на протяжении всего исследуемого периода, включая поздний дриас [15]. Большое их количество обнаружено в Джерф эль-Ахмар. В эпоху раннего голоцена данное растение распространилось по территории Восточного Средиземноморья. Сегодня оно встречается довольно редко, лишь в отдельных районах. Дикий миндаль также был более распространен в эпоху раннего голоцена, нежели сейчас. На Телль Карамель часто встречаются фрагменты косточек *Amygdalus communis* (миндаля обыкновенного), тогда как на Джерф эль-Ахмар обнаружены остатки *A. orientalis* (миндаля восточного) и *A. webbii* (миндаля европейского). Разница в наборе миндальных таксонов между Телль Карамель и Джерф эль-Ахмар отражает различия в растительных биоценозах вблизи поселений. На Телль Карамель также обнаружены косточки ягод дерева каркас (*Celtis* sp.) и два желудя (*Quercus* sp.). Присутствие этих таксонов, относящихся к периоду раннего голоцена, свидетельствует о том, что тогда в регионе выпадало большее количество осадков, чем сегодня. В современной Северной Сирии данные растения встречаются крайне редко. Семена инжира (*Ficus carica*) отсутствуют на ранних евфратских поселениях Абу Хурейра, Мурейбит I и II. На Джерф эль-Ахмар и Карамель их количество незначительно, а на Джада они более частотны. Такой рост вполне согласуется с фактором увеличения температур в эпоху раннего голоцена [16, р. 155]. В Южном Леванте инжир стал более распространенным растением раньше, вероятно, в связи с более

теплым климатом, его образцы частотны на памятниках периода докерамического неолита А. Там, предположительно, инжир начали культивировать и даже одомашнили уже 11400 лет назад [20].

Приведенные результаты археоботанических исследований [15–17] демонстрируют, что в период докерамического неолита А, приблизительно 11500–11000 лет назад, в северосирийском очаге процесс культивирования растений становится регулярной практикой, и основные сельскохозяйственные культуры, включая ячмень, полбу, пшеницу-двухзернянку, нут, боб садовый, инжир, начинают активно использоваться человеком. Поскольку евфратские поселения расположены вдали от мест произрастания диких злаков и бобовых, потребность в их выращивании здесь могла быть более высокой. Условия же для осуществления их культивации были удовлетворительными, так что злаки и бобовые, высаженные в подходящем месте, вполне могли разрастись [16, р. 155]. Именно на фоне стабилизации благоприятного климата в начале эпохи голоцена, но не ранее (например, в период позднего дриаса, хотя и тогда опыты с растениеводством в Восточном Средиземноморье, очевидно, осуществлялись), культивирование растений становится одним из надежных источников пропитания для человека в левантской зоне, включая северосирийский кластер поселений.

В Юго-Восточной Турции признаки domestikации растений фиксируются на полтысячелетия позже, уже на этапе PPNB (свидетельства Невалы Чори, Чайоню Тепеси, Кафер Хуюка и др.). И в археоботанических коллекциях таких памятников, как Халлан Чеми, Демиркоу, Гёбекли Тепе, Кёртык Тепе, а также Северного Ирака – Немрик 9 и М'лефаат, относящихся к эппалеолиту и раннему докерамическому неолиту, свидетельства начала domestikации растений отсутствуют [21; 22; 16; 23]. Такая задержка, возможно, связана с более прохладным и даже жестким климатом в период позднего дриаса в предгорных и горных районах Юго-Восточной Анатолии и Северного Ирака по сравнению со Средиземноморьем, о чем свидетельствует анализ изотопных данных [24]. Кроме того, в период перехода к голоцену, на этапе PPNА пшеница-однозернянка, очевидно, произрастала поблизости от Демиркоу, Халлан Чеми, Гёбекли Тепе благодаря богатым местным почвам на базальте у подножия находящегося рядом потухшего вулкана Караджа Даг. В таких условиях не возникало острой потребности в культивации растений [16, р. 155]. С территории Северного Ирака уверенных датировок начала domestikации пока нет. Из-за сложной политической обстановки последних десятилетий стационарные работы в этом регионе были сокращены.

В целом памятники Леванта, по имеющимся данным, показывают временной приоритет в процессах перехода населения к оседлому образу жизни, распространению специализированной охоты и собирательства, хранению продуктовых запасов, первых успешных опытах по domestikации зерновых в натуфийскую и даже в преднатуфийскую эпоху [12, р. 308]. Это время предшествует выделявшемуся Ж. Ковеном [13, р. 277] как ключевому в контексте «революции символов» периоду Хиа, в связи с чем идея о приоритете духовных и социальных изменений над экономическими сдвигами выглядит не вполне убедительно. Кроме того, генетический анализ показал, что процесс domestikации одноосной пшеницы-

однозернянки и пшеницы-двухзернянки осуществлялся непосредственно в окрестностях горы Караджа Даг [25; 26]. Этот факт подтверждает выделение самостоятельного очага зарождения земледелия на территории Юго-Восточной Турции.

Взлет символизма, начало выстраивания сложных общественных отношений у населения Юго-Восточной Анатолии приходится на период PPNА, когда там, в отличие от соседнего Леванта, domestikация каких-либо видов растений еще не фиксируется. В данном локальном варианте теория Ж. Ковена о преддверии кардинальных экономических изменений эпохи неолита «революцией символов» как будто находит свое подтверждение. Одной из ярких предоставленных археологией иллюстраций этой концепции стало исследование межплеменного культового комплекса Гёбекли Тепе. Самые ранние слои памятника еще недостаточно исследованы и относятся к эппалеолиту; слой III с выдающимися, богато украшенными скульптурой, монументальными круглоплановыми постройками – к эпохе PPNА; слой II с прямоугольными в плане, в меньшей степени декорированными и меньших размеров постройками, – к PPNB. Около 8000 лет до н.э. функционирование культового центра прекратилось. Анализ костей животных и оценка ботанического материала Гёбекли Тепе, так же как и ряда других памятников эппалеолита и PPNА Юго-Восточной Турции и Северного Ирака, показали отсутствие в них признаков одомашнивания [27; 28].

Как возможное объяснение отсутствия здесь свидетельств начала культивации в рассматриваемый период, в отличие от синхронных материалов Леванта, выше назывался более жесткий и прохладный климат позднего дриаса в предгорных и горных районах Тавра по сравнению с Восточным Средиземноморьем, а на этапе перехода к голоцену – складывание благоприятной экосреды для присваивающего хозяйства, предоставлявшей богатый и разнообразный рацион питания, основанный на охоте, собирательстве и рыбной ловле. Соседство с многочисленными стадами горных газелей, джейранов, куланов и диких быков, близость мест произрастания в изобилии диких видов употреблявшихся в пищу растений на склонах и у подножия потухшего вулкана Караджа Даг приводило к тому, что на этапе PPNА население Юго-Восточной Анатолии не испытывало острой необходимости прилагать усилия для попыток выращивания растений и одомашнивания животных.

К. Шмидта полагал, что именно скопление в течение длительного времени большого количества людей по причине строительства и функционирования межплеменного культового центра, как это показывают материалы Гёбекли Тепе и соседних памятников, в конкретном регионе могло постепенно привести к действенным усилиям по установлению контроля человека над природными ресурсами и их воспроизводству [28, с. 237–251]. В «Послесловии» к русскому изданию книги К. Шмидта, на основании сходства материальной культуры, в том числе объектов и построек символического содержания, различных областей Северной Месопотамии переходного к неолиту времени, а кроме того, длительности периода культивации растений без морфологических изменений, нами была высказана мысль о том, что на Гёбекли Тепе могли встречаться не только представители племен охотников и собирателей, но также

общин, переходивших уже к производящим формам хозяйства [29, с. 312–313]. Недавно опубликованные материалы палеоботанических и палеозоологических исследований органических остатков с различных памятников Северной Месопотамии помогают прояснить этот вопрос.

Еще в статье 1978 г. Барбара Бендер представила точку зрения о том, что решающее влияние на зарождение сельского хозяйства могли оказать социальные процессы, запущенные в переходивших к оседлости обществах охотников и собирателей Юго-Восточной Азии позднелептостеновой и постлелпостеновой эпохи. По ее мнению, обострившаяся конкуренция между местными группами, которые пытались добиться господства над своими соседями, организуя грандиозные пиры и другие масштабные ритуальные действия, а также осуществляя обмен, приводила к необходимости увеличить ресурсный прожиточный минимум, соответственно, к интенсификации в использовании земель и развитии производства продуктов питания [30].

Результаты исследований последних десятилетий показывают, что проведение общественных пиров в сакральных зонах особым образом оформленного пространства на территории поселений и в отдаленно расположенных культовых центрах являлось важной частью ритуальной жизни переднеазиатских эппалеолитических и раннеолитических сообществ. Задолго до появления письменности пиры служили важными элементами систем внутри- и межобщинной символической коммуникации в переходивших к оседлости и увеличивавшихся в размерах сообществах. В частности, свидетельства проведения ритуальных пиршеств обнаружены на древнейших долговременных поселениях Северной Месопотамии: в Халлан Чеми [31, р. 26, 28; 32, р. 58], Кёртык Тепе [33; 34], ранних слоях Чайёню Тепеси [35, р. 187]; на территории межплеменного культового центра Гёбекли Тепе [36], а также на многих эппалеолитических и раннеолитических поселениях Южного Леванта [37–39].

Свидетельствами проведения пиров являются остатки скоплений костей животных и букраний, очажных ям, других общественных мест и приспособлений для приготовления пищи в большом объеме. На многих памятниках эпохи перехода к неолиту останки животных представлены символическим образом, как, например, три уложенных в ряд рогатых черепа на площади в Халлан Чеми (рис. 2). Часто подобные объекты используются в оформлении неординарных общественных сооружений. В таких комплексах останки животных в символическом оформлении нередко соседствуют с останками человека. Эти материалы вместе с распространенными в рассматриваемых сообществах изобразительными мотивами, где совмещаются и взаимозаменяются образы человека и животного, фиксируют наличие тотемических воззрений у переходивших к неолитическому образу жизни коллективов [40, с. 68–72]. В эппалеолитических и раннеолитических материалах Северной Месопотамии тотемические воззрения, помимо прочего, отразились в закладах из человеческих черепов и останков дикого быка (*Bos primigenius*) при строительстве общественных сооружений особого назначения Джерф эль-Ахмара (в соседнем поселении Мурейбит внутри неординарного Дома 47 обнаружены останки дикого быка и антропоморфные

статуэтки, выступавшие, очевидно, как заместители человека [41, р. 36–37]) и Телль Карамеля [42, р. 52–56, pl. 14; 43], в закладах с останками дикого быка в общественных строениях Телль Абра 3 [44, р. 31, 34–40, fig. 14: 4, 16, 17: 5]; свидетельствах украшений обрядовых зданий рогами и черепами отдельных видов животных (чаще других это опять дикий бык, но не только) в Халлан Чеми [32, р. 45–46, 57], Чайёню [35, р. 187] и Телль Абре 3 [44, р. 38]; скоплениях, иногда даже композициях, из останков животных на территории участков, где проходили коллективные пиршества, в Халлан Чеми [31, р. 26, 28, fig. 16; 32, р. 58], Чайёню [35, р. 187], Телль Абре 3 [44, р. 34], Гёбекли Тепе [36, р. 690]. Показательно с этой точки зрения наличие останков животных в человеческих захоронениях Дома черепов Чайёню [45, р. 40], в богатых погребальным инвентарем и разнообразием осуществлявшихся обрядов захоронениях Кёртык Тепе [46, р. 6]; а также выявление человеческих и животных погребений на Телль Карамеле с их плотной концентрацией в границах или поблизости от т.н. Святилища [42, р. 52; 43].

Использование животных в ритуальных пиршествах, оформлении построек, сложных погребальных обрядах во время захоронения людей и важнейших сооружений общественного назначения, как представляется, несло близкую семантическую нагрузку, связанную с поклонением тотемам, но также с утверждением жизненной силы и с дальнейшим процветанием осуществлявших эти действия коллективов. В мифах народов мира универсально прослеживается связь между пищей и таинствами смерти–возрождения–плодородия [47, с. 142]. В понимании человека времен мезолита–неолита, отмечает М.В. Добровольская, пища – нечто иное, чем в сознании современного человека. Каждый раз, прежде чем продлить собственную жизнь, он был вынужден забрать жизнь другого живого существа. Соединение понятий еда–жизнь–смерть занимало центральное место в сознании человека. Это же соединение стало, вероятно, центральным и для сознания ранних земледельцев, ядром мифологии и обрядности которых была смерть зерна под землей для возрождения в новом урожае [47, с. 196].

В Гёбекли Тепе материал, использовавшийся для заполнения монументальных культовых сооружений общественного назначения при их символическом «погребении», состоял из обломков известняка, кремневых артефактов и невероятно большого количества костей животных, раздробленных, по предположению авторов раскопок, с целью добраться до костного мозга. Их количество превышает все известные по другим эппалеолитическим и раннеолитическим памятникам Юго-Западной Азии находки подобного рода, что говорит о проведении здесь особо массовых и обильных коллективных трапез [36, р. 690]. Кроме того, в засыпке Гёбекли Тепе обнаружены фрагменты трех человеческих черепов со следами посмертной трепанации и гравировки [48].

При большом разнообразии видов животных, употреблявшихся в пищу, задействованных в различных ритуалах и богатой иконографии Северной Месопотамии, культ Быка, так же как и в свидетельствах памятников Южного Леванта, занимает особое место. Ж. Ковэн заострял внимание на данном факте, выделяя на материале Передней Азии Женщину–богиню и Быка в качестве древнейших божеств [13].

Рисунок 2 – Три бараньих черепа, уложенных в ряд, на «центральной площади» Халлан Чеми (по: [31, fig. 16])

Коллективное потребление большого количества мяса одновременно, как в архаичных, так и в современных человеческих сообществах, является знаком общественно важного события, что связано с большими затратами энергии, требуемыми для получения такой пищи и неоправданно быстрой с рациональной точки зрения тратой потенциально долгосрочных пищевых ресурсов. В эпоху перехода к неолиту охота на диких быков (*Bos primigenius*), несомненно, являлась опасной задачей, требовавшей от ее участников проявления доблести, в связи с чем, как отмечают Найджел Горин-Моррис и Анна Белфер-Кохен, не случайно именно дикий бык становится символом сплоченности больших коллективов [49, р. 64]. *Bos primigenius* – крупнейшие парнокопытные в Леванте и Северной Месопотамии позднелепистоценовой и раннеголоценовой эпохи. В то время как одна газель могла обеспечить около 23 кг мяса (самец 17–29,5 кг, самка 16–25 кг), дикий бык минимально обеспечивал около 350 кг красного мяса [49, р. 68].

В «погребальной» засыпке комплекса Гёбекли Тепе обнаруженные останки животных включают, по большей части, кости газелей, зубров (диких быков) и азиатских диких ослов (куланов) – типичную добычу охотников того времени [36, р. 690]. В данной фаунистической коллекции доминируют останки газелей, и свидетельства обеспечения мясным продовольствием здесь мало отличается от других памятников эппалеолита и раннего неолита, в том числе от материалов поселений, расположенных в бассейне реки Евфрат (Северная Сирия). На большей территории Юго-Западной Азии вплоть до появления животноводческих хозяйств в эпоху докерамического неолита основным источником мяса для человеческих сообществ служили газели, а точнее – горные газели (*Gazella gazella*), песчаные газели (*G. marica*) и джейраны (*G. subgutturosa*). Охота на газелей, практиковавшаяся на протяжении палеолита, стала гораздо более интенсивной в период эппалеолита [50, р. 411].

Результаты зооархеологического и изотопного анализа показали, что период, который многочисленные группы охотников и собирателей предпочитали проводить в Гёбекли Тепе, длился с середины лета до осени. Вполне вероятно, что их выбор был осознанным и оправданным с прагматической точки зрения: к этому времени все основные продукты питания, необходимые для выживания человека, в осо-

бенности (дикие) злаки и бобовые, были уже собраны, а в южных предгорьях Антитаврских гор, как показывают археоботанические материалы, в избытке произрастали миндаль и фисташки. Такая в высшей степени питательная еда не могла не привлекать группы людей и стада травоядных и всеядных животных. Очевидно также, что в верховьях реки Балих в период созревания разнообразных плодов имелось значительное количество дичи [50, р. 425].

Распространение северомесопотамской региональной культуры явно фиксируется в материалах Северного Леванта (Мурейбит, Джерф эль-Ахмар, Телль Абр 3 и др. памятники), население которого в экономическом плане развивалось в общем для биома Восточного Средиземноморья режиме, т.е. возделывание злаковых и бобовых, как было рассмотрено выше, там началось с этапа PPNA. Вместе с тем, судя по архитектурным свидетельствам и объектам символического содержания, северолевантийские группы населения имели отношение к крупной религиозной конгрегации с межплеменным культовым центром в Гёбекли Тепе [51; 52, с. 16–84; 36, fig. 1] на территории Юго-Восточной Анатолии.

Весьма любопытными оказались зооархеологические данные, полученные в результате анализа коллекций, собранных на евфратских памятниках эпохи раннего докерамического неолита Мурейбит и Джерф эль-Ахмар (Северная Сирия), располагающихся примерно в 110–130 км к юго-западу от Гёбекли Тепе. Здесь охота на газелей осуществлялась преимущественно в зимний период (с ноября по март – сезон дождей в данном регионе), постепенно сходя на нет к концу весны, а в сезон засухи (с июля по сентябрь) охота полностью прекращалась [53]. В летние месяцы этот вид животных не использовался в качестве пищевого ресурса [54]. С другой стороны, как отмечалось выше, анализ останков газелей из Гёбекли Тепе указывает, что там на них охотились с середины лета и до осени. На основе результатов изотопного и зооархеологического анализа останков джейранов (*G. subgutturosa*), К. Лэнг с коллегами высказал предположение о наличии своеобразного годового цикла, в течение которого животные, а за ними, возможно, и группы людей, перемещались туда и обратно между верховьями реки Балих (Юго-Восточная Анатолия) и районом среднего и верхнего течения р. Евфрат (Северная Сирия). Такие сезонные ми-

грации, связанные с богатством региональных ресурсов Юго-Восточной Анатолии, вероятно, сыграли не последнюю роль при выборе охотниками и собирателями места Гёбекли Тепе для масштабного строительства и долговременного функционирования межплеменного культового комплекса [50, р. 418, 422, 425]. Помимо прочего, миграции могли способствовать перенесению семян дикорастущих злаков из района подножия потухшего вулкана Караджа Дага на территорию евфратских поселений, где на этапе PPNA, зафиксированы признаки культивации растений. Представленные данные, включая наличие единого символического пространства в Северной Месопотамии на этапе перехода к неолиту, дают основания полагать, что в ритуальных собраниях на Гёбекли Тепе участвовали не только представители групп охотников и собирателей, но также представители общин уже экспериментировавших с выращиванием растений. Эти знания со временем могли распространяться на другие собиравшиеся в межплеменном культовом центре коллективы.

Изобразительные свидетельства Северной Месопотамии эпохи перехода к неолиту, помимо прочего, показывают сюжеты «тотемических плясок» с перевоплощением в животных участниками ритуальных встреч [40, с. 68–71, рис. 7]. Весьма вероятно употребление алкоголя или галлюциногенов во время таких собраний. В частности, лабораторные исследования органических остатков на стенках двух каменных чаш из Кёртык Тепе обнаружили присутствие виннокислотной кислоты, что свидетельствует о возможном начале производства вина [55, р. 81]. Крайне интересной представляется гипотеза о том, что пивоварение и domestикация пшеницы могут быть взаимосвязанными процессами. Еще в 1953 г. на основании собранной в Джармо (Северо-Восточный Ирак) археоботанической коллекции, а также замечаний палеоботаника Дж.Д. Сауэр, Р. Брэйвуд с коллегами подверг сомнению привычную мысль о том, что появление одомашненных злаков на Ближнем Востоке связано с производством хлеба. Был поставлен вопрос: могло ли открытие процесса ферментации/брожения (ячмень, например, ферментируется при определенных условиях естественным образом) послужить начальным этапом на пути к экспериментальной селекции и domestикации злаков. В публикации 1953 г. древние злаки из-за крепкой оболочки зерна признали более подходящими для приготовления каши или пива, а не хлеба. При этом пивоварение отмечалось все-таки как маловероятный стимул начала domestикации [56]. Через несколько десятилетий С.Г. Кац и М.М. Войтг вернулись к обсуждению данной проблемы, подчеркивая, что диета, в составе которой имелось пиво, гораздо более питательна, чем та, в основе которой каша и хлеб [57]. Современные исследователи Гёбекли Тепе, подробно останавливаясь на истории изучения вопроса, отмечают этот аргумент как крайне важный, обращая внимание на масштабы строительства монументальных общественных сооружений данного комплекса [36, р. 687–691]. Был проведен химический анализ остатков из больших известняковых сосудов Гёбекли Тепе, относящихся к периоду раннего докерамического неолита Б. Целиком сохранилось шесть таких емкостей, по форме напоминающих ванны. Судя по их размерам и вмещаемому объему в 160 л, они были стационарны и предназначались для установки в специальных помещениях. Фрагменты подобных со-

судов выявлены во всех слоях памятника. На нижней части стенок некоторых из них имеются следы серо-черного цвета. Первичный анализ показал возможное присутствие в некоторых образцах солей щавелевой кислоты, которая образуется в результате настаивания, затиария и брожения зерновых, в первую очередь ячменя, но также пшеницы-однозернянки и других видов. Наличие щавелевой кислоты может свидетельствовать о производстве солода и пива. На дне одного из сосудов в Гёбекли Тепе найдена лопаточная кость дикого осла [36, р. 687–688, fig. 11]. Схожие находки известны по материалам Телль Абр 3, где пять больших в форме ванны известняковых сосудов обнаружены на полу постройки общественного назначения M1, специально сожженной по окончании ее использования. В границах этой постройки сохранились свидетельства осуществления сложных ритуалов с захоронением/хранением многих символически важных объектов в сооруженной для этого платформе (своего рода реликварии). Помимо прочего, там хранились рога газели, два черепа зубра, другие останки животных, ваза в форме быка из хлорита. Внутри одного из больших в форме ванны сосудов находилась крупная кость [58, р. 5–8, fig. 3; 44, р. 31–36]. Вполне вероятно, что такие кости использовались для перемешивания содержимого сосудов и/или для снятия пленки с поверхности. В Джерф эль-Ахмар три известняковых сосуда похожего размера и формы найдены в разделенной на зоны постройке EA 10, где также выявлен очаг, зернотерки и другие многочисленные свидетельства приготовления пищи. Похоже, что это помещение использовалось как кухня [59, р. 55–56; 60, р. 186–189, fig. 63, fig. 66, fig. 76]. Поскольку самый простой процесс пивоварения предполагает, помимо зерноперерабатывающего оборудования, наличие больших сосудов для производства и затиария солода, возможно, «кухня» использовалась и для изготовления пива [36, р. 687–688]. Отмеченные свидетельства с памятников Северной Месопотамии переходного к неолиту этапа не противоречат гипотезе о том, что открытие процесса ферментации и использование пива в социальной и религиозной жизни могло стать одной из причин инициации процесса domestикации злаков.

Таким образом, выявляются различные модели и возможности становления производящего хозяйства в отдельных очагах рассматриваемого региона. Исходя из имеющихся данных о древнейшем растениеводстве, вряд ли стоит утверждать первенство «революции символов» в процессе неолитизации по отношению к ранним попыткам культивирования растений. В то же время, представленные материалы дают основание полагать, что ритуальные практики эпохи перехода к неолиту в ряде случаев могли способствовать появлению и распространению новых экономических стратегий. В частности, обычай совместного ритуального потребления большого количества пищи на одной и той же территории, являясь важнейшим регулятором усложнения социальных отношений в переходивших к оседлости и увеличивавшихся в размерах коллективах, очевидно, стимулировал стремление к установлению контроля над пищевыми ресурсами и их воспроизводству. Сохранение тотемических представлений на данном этапе давало человеку возможность, ощущая себя частью природного мира, гармонично выстраивать новые отношения с окружающей средой.

Список литературы:

1. Вавилов Н.И. Центры происхождения культурных растений. Л.: Тип. им. Гутенберга, 1926. 248 с.
2. Вавилов Н.И. Происхождение и география культурных растений. Л.: Наука, 1987. 440 с.
3. Шнирельман В.А. Основные очаги древнейшего производящего хозяйства в свете достижений современной науки // Вестник древней истории. 1989. № 1. С. 99–111.
4. Шнирельман В.А. Возникновение производящего хозяйства. Очаги древнейшего земледелия. Изд. 2-е, доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 448 с.
5. Willcox G. The Roots of Cultivation in Southwestern Asia // Science. 2013. Vol. 341, № 6141. P. 39–40.
6. Childe V.G. New Light on the Most Ancient East: The Oriental Prelude to European Prehistory. London: Kegan Paul, Trench, Trubner, & Co., 1935. 327 p.
7. Childe V.G. Man Makes Himself. New York: New American Library, 1951. 191 p.
8. Braidwood R., Braidwood L. The Earliest Village Communities of Southwestern Asia // Journal of World History. 1953. № 1. P. 278–310.
9. Прусаков Д.Б. О причине «позднего» перехода к неолиту и производящему хозяйству в Египте // История и современность. 2005. № 2. С. 80–112.
10. Амиров Ш.Н. Культурный процесс и климатические флуктуации эпохи раннего и среднего голоцена на Переднем Востоке, на примере Южного Леванта и Северной Месопотамии // Краткие сообщения Ин-та археологии. 2018. Вып. 250. С. 173–193.
11. Березкин Ю.Е. Неолит, Анды и Передняя Азия // Российский археологический ежегодник. 2014. № 4. С. 18–25.
12. Bar-Yosef O. Multiple Origins of Agriculture in Eurasia and Africa // On Human Nature. Biology, Psychology, Ethics, Politics, and Religion / Ed. by M. Tishayrenc, F.J. Ayala. Amsterdam: Academic Press; Boston (Mass.): Elsevier, 2017. P. 297–331.
13. Cauvin J. Naissance des divinités. Naissance de l'agriculture: la révolution des symboles au Néolithique. Paris, 1994. 304 p.
14. Коробкова Г.Ф. Орудия труда и начало земледелия на Ближнем Востоке // Археологические вести. 1994. № 3. С. 166–178.
15. Willcox G., Fornite S., Herveux L.H. Early Holocene cultivation before domestication in Northern Syria // Vegetation History and Archaeobotany. 2008. № 17. P. 313–325.
16. Willcox G., Buxo R., Herveux L. Late Pleistocene and Early Holocene climate and the beginnings of cultivation in northern Syria // The Holocene. 2009. Vol. 19, № 1. P. 151–158.
17. Willcox G. Les nouvelles données archéobotaniques de Mureybet et la néolithisation du Moyen Euphrate // Le site néolithique de Tell Mureybet (Syrie du Nord), en hommage à Jacques Cauvin. Ed. by J. Ibañez. Oxford: BAR International Series 1843 (II), 2008. P. 103–114.
18. Rossignol-Strick M. The Holocene climatic optimum and pollen records of sapropel 1 in the eastern Mediterranean, 9000–6000 BP // Quaternary Science Reviews. 1999. № 18. P. 515–530.
19. Roberts N. Did prehistoric landscape management retard the post-glacial spread of woodland in southwest Asia? // Antiquity. 2002. № 76. P. 1002–1010. Самарский научный вестник. 2018. Т. 7, № 4 (25)
20. Kislev M., Hartmann A., Bar-Yosef O. Early domesticated fig in the Jordan valley // Science. 2006. Vol. 312, № 5778. P. 1372–1374.
21. Neef R. Overlooking the steppe-forest: a preliminary report on the botanical remains from early Neolithic Göbekli Tepe // Neo-Lithics: The Newsletter of South-west Asian Neolithic Research. 2003. № 2. P. 13–16.
22. Savard M., Nesbitt M., Jones M.K. The role of wild grasses in subsistence and sedentism: new evidence from the northern Fertile Crescent // World Archaeology. 2006. Vol. 38, № 2. P. 179–196.
23. Riehl S., Benz M., Conard N., Darabi H., Deckers K., Nashli H., Zeidi-Kulehparcheh M. Plant use in three Pre-Pottery Neolithic sites of the northern and eastern Fertile Crescent: a preliminary report // Vegetation History and Archaeobotany. 2012. Vol. 21, № 2. P. 95–106.
24. Jones M.D., Roberts N., Leng M.J. Quantifying climatic change through the last glacial-interglacial transition based on lake isotope palaeohydrology from central Turkey // Quaternary Research. 2007. № 67. P. 463–473.
25. Heun M., Schäfer-Pregl R., Klawan D., Castagna R., Accerbi M., Borghi B., Salamini F. Site of einkorn wheat domestication identified by DNA fingerprinting // Science. 1997. Vol. 278, № 5341. P. 1312–1314.
26. Luo M.-C., Yang Z.-L., You F.M., Kawahara T., Waines J.G., Dvorak J. The structure of wild and domesticated emmer wheat populations, gene flow between them, and the site of emmer domestication // Theoretical and Applied Genetics. 2007. Vol. 114, № 6. P. 947–959.
27. Schmidt K. Sie bauten die ersten Tempel: das rätselhafteste Heiligtum der Steinzeitjäger: die archäologische Entdeckung am Göbekli Tepe. München: C.H. Beck, 2006. 282 p.
28. Шмидт К. Они строили первые храмы. Таинственное святилище охотников каменного века. Археологические открытия в Гёбекли Тепе. СПб.: Алетея, 2011. 320 с.
29. Корниенко Т.В. Послесловие // Шмидт К. Они строили первые храмы. Таинственное святилище охотников каменного века. Археологические открытия в Гёбекли Тепе. СПб.: Алетея, 2011. С. 303–317.
30. Bender B. Gatherer-hunter to farmer a social perspective // World Archaeology. 1978. Vol. 10, № 2. P. 204–222.
31. Rosenberg M. Hallan Çemi // Neolithic in Turkey: the Cradle of Civilization: New Discoveries / Ed. by M. Özdoğan, N. Başgelen. Istanbul: Archaeology and Art Publications, 1999. P. 25–33.
32. Rosenberg M., Redding R.W. Hallan Çemi and Early Village Organization in Eastern Anatolia // Life in Neolithic Farming Communities: Social Organization, Identity, and Differentiation / Ed. by I. Kuijt. N.Y.: Kluwer Academic/Plenum Publishers, 2000. P. 39–61.
33. Özkaya V. Excavations at Körtik Tepe. A New Pre-Pottery Neolithic A Site in Southeastern Anatolia // Neo-Lithics. 2009. № 2. P. 3–8.
34. Özkaya V., Coşkun A. Körtik Tepe // The Neolithic of Turkey / Ed. by M. Özdoğan, N. Başgelen, P. Kuniholm. Vol. 1. Istanbul: Archaeology and Art Publications, 2011. P. 89–127.
35. Çambel H. Çayönü, 1984 // Anatolian Studies. 1985. Vol. 35. P. 186–188.
36. Dietrich O., Heun M., Notroff J., Schmidt K., Zarnkow M. The role of cult and feasting in the emergence of Neolithic communities. New evidence from Göbekli Tepe, south-eastern Turkey // Antiquity. 2012. Vol. 86. P. 674–695.

37. Goring-Morris N., Horwitz L.K. Funerals and feasts during the Pre-Pottery Neolithic B // *Antiquity*. 2007. Vol. 81. P. 902–919.
38. Twiss K.C. Transformations in an early agricultural society: Feasting in the southern Levantine Pre-Pottery Neolithic // *Journal of Anthropological Archaeology*. 2008. Vol. 27. P. 418–442.
39. Munro N.D., Grosman L. Early evidence (ca. 12,000 B.P.) for feasting at a burial cave in Israel // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2010. Vol. 107 (35). P. 15362–15366.
40. Корниенко Т.В. К вопросу об особенностях функционирования властных структур и принципов социального взаимодействия в коллективах охотников-собирателей Северной Месопотамии на пороге перехода к неолиту // *Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology*. 2018. № 1. С. 59–76.
41. Stordeur D., Brenet M., Der Arahamian G., Roux J.-C. Les bâtiments communautaires de Jerf el Ahmar et Mureybet horizon PPNA (Syria) // *Paléorient*. 2001. Vol. 26, № 1. P. 29–44.
42. Mazurowski R.F., Biatowarczuk M., Januszek K. Architecture // *Tell Qaramel 1999–2007: Protoneolithic and Early Pre-pottery Neolithic Settlement in Northern Syria* / Ed. by R.F. Mazurowski, Y. Kanjou. Warszawa: Polish Centre of Mediterranean Archaeology, University of Warsaw, 2012. P. 34–59.
43. Gawrońska J., Grabarek A., Kanjou Y. Human and animal graves // *Tell Qaramel 1999–2007: Protoneolithic and Early Pre-pottery Neolithic Settlement in Northern Syria* / Ed. by R.F. Mazurowski, Y. Kanjou. Warszawa: Polish Centre of Mediterranean Archaeology, University of Warsaw, 2012. P. 60–71.
44. Yartah T. Typologie de bâtiments communautaires à Tell 'Abr 3 (PPNA) en Syrie du Nord // *Neo-Lithics*. 2016. № 2. P. 29–49.
45. Le Mort F., Erim-Özdoğan A., Özbek M., Yilmaz Y. Feu et archéozoologie au Proche-Orient (épipaléolithique et néolithique). Le lien avec les pratiques funéraires. Données nouvelles de Çayönü (Turquie) // *Paléorient*. 2001. Vol. 26, № 2. P. 37–50.
46. Erdal Y.S. Bone or Flesh: Defleshing and Post-Depositional Treatments at Körtektepe (Southeastern Anatolia, PPNA Period) // *European Journal of Archaeology*. 2015. Vol. 18, № 1. P. 4–32.
47. Добровольская М.В. Человек и его пища. М.: Научный мир, 2005. 368 с.
48. Gresky J., Haelm J., Clare L. Modified human crania from Göbekli Tepe provide evidence for a new form of Neolithic skull cult // *Science Advances*. 2017. Vol. 3, № 6. DOI: 10.1126/sciadv.1700564.
49. Goring-Morris N., Belfer-Cohen A. Evolving human/animal interaction in the Near Eastern Neolithic: feasting as a case study // *Guess Who's Coming to Dinner: Feasting rituals in the prehistoric societies of Europe and the Near East* / Ed. by G.A. Jiménez, S. Montón-Subías, M. Sánchez Romero. Oxford: Oxbow Books, 2011. P. 64–72.
50. Lang C., Peters J., Pöllath N., Schmidt K., Grube G. Gazelle behaviour and human presence at early Neolithic Göbekli Tepe, south-east Anatolia // *World Archaeology*. 2013. Vol. 45, № 3. P. 410–429.
51. Schmidt K. Frühneolithische Tempel Ein Forschungsbericht zum präkeramischen Neolithikum Obermesopotamiens // *Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft*. 1998. № 130. P. 17–49.
52. Корниенко Т.В. Первые храмы Месопотамии. СПб.: Алетейя, 2006. 312 с.
53. Gourichon L. Faune et saisonnalité: L'organisation temporelle des activités de subsistance dans l'Épipaléolithique et le Néolithique précéramique du Levant nord (Syrie). Thèse de Doctorat (I), Université Lumière – Lyon 2. Lyon, 2004. 319 p.
54. Gourichon L., Helmer D. Étude archéozoologique de Mureybet // *Le site néolithique de Tell Mureybet (Syrie du Nord, en hommage à Jacques Cauvin* / Ed. by J. Ibañez. Oxford: BAR International Series 1843 (I), 2008. P. 115–227.
55. McGovern P.E. Uncorking the past: the quest for wine, beer, and other alcoholic beverages. Berkeley / Los Angeles / London: University of California Press, 2009. 348 p.
56. Braidwood R.J., Sauer J.D., Helbaek H., Mangelson P.C., Curtler H.C., Coon C.S., Linton R., Steward J., Oppenheim A.L. Symposium: did man once live by beer alone? // *American Anthropologist*. 1953. Vol. 55, № 4. P. 515–526.
57. Katz S.H., Voigt M.M. Bread and beer: the early use of cereals in the human diet // *Expeditions*. 1986. Vol. 28, № 2. P. 23–34.
58. Yartah T. Les bâtiments communautaires de Tell 'Abr 3 (PPNA, Syrie) // *Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research*. 2005. № 1. P. 3–9.
59. Willcox G. Charred plant remains from a 10th millennium BP kitchen at Jerf el Ahmar (Syria) // *Vegetation History and Archaeobotany*. 2002. № 11. P. 55–60.
60. Stordeur D. Le village de Jerf el Ahmar (Syrie, 9500–8700 av.J.-C.). L'architecture, miroir d'une société néolithique. Paris: CNRS. 2015. 371 p.

FOOD RESOURCES IN THE ECONOMY AND RITUAL PRACTICES OF THE NORTHERN MESOPOTAMIA POPULATION DURING THE TRANSITION TO THE NEOLITHIC

© 2018

Kornienko Tatiana Vladimirovna, candidate of historical sciences,
associate professor of Foreign History Department
Voronezh State Pedagogical University (Voronezh, Russian Federation)

Abstract. The ultimate establishment of the agricultural economy in the central zone of the Fertile Crescent took place in the late Pre-Pottery Neolithic (PPNB), while the heyday of symbolism, establishing complex social relations among the population of Northern Mesopotamia occur in the era of the early Pre-Pottery Neolithic (PPNA). In this period, the domestication of any plant species is not yet registered in South-Eastern Anatolia (an area where the long-term intertribal cult center of Göbekli Tepe was found) unlike the neighboring Levant. The paper discusses possible models for the producing economy establishment in the region, analyzes materials suggesting that the ritual practices of the transition period to the Neolithic in some cases could contribute to the emergence and new economic strategies spread on the territory of Northern Mesopotamia. At the same time, the comparison of the climatic changes scientific

studies results, archeobotanical and archaeozoological collections and material evidence of the development of social and spiritual life from Epipaleolithic and early Neolithic monuments of Northern Mesopotamia shows the coevolution/mutual influence of people and the surrounding natural environment. In our opinion, on the basis of the available data it is impossible to assert the primacy of the «symbol revolution» in the process of Neolithization in relation to early attempts at plant cultivation.

Keywords: Northern Mesopotamia; Levant; transition from Pleistocene to Holocene; climatic fluctuations; neolithization process; sedentism; economic strategies; hunting; gathering; domestication of plants; domestication of animals; food; feast; cult of bull; ritual centers; cult practices; coevolution.

УДК 902.01

DOI 10.24411/2309-4370-2018-14204

Статья поступила в редакцию 02.08.2018

ОРУДИЯ РЫБОЛОВНОГО ПРОМЫСЛА НА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ ЧАШКИНСКОГО МИКРОРЕГИОНА

© 2018

Лычагина Евгения Леонидовна, кандидат исторических наук,
доцент кафедры древней и средневековой истории России
Сарапулов Алексей Николаевич, кандидат исторических наук,
заведующий кафедрой древней и средневековой истории России

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Российская Федерация)

Аннотация. Чашкинское озеро является старицей р. Кама. На его восточном берегу известно более 20 археологических памятников. Они относятся к мезолиту, неолиту, энеолиту и средневековью. Все орудия, которые могли использоваться в рыбной ловле в каменном веке, были поделены на орудия, прямо свидетельствующие о развитии рыболовства и косвенно. К прямым признакам мы относим находки грузил и пешни. К косвенным признакам относятся находки топоров, тёсел и долотовидных орудий, которые могли применяться для изготовления лодок, и вкладыши составных метательных орудий, которые могли использоваться в качестве лезвий гарпуна. На мезолитических памятниках орудий, связанных с рыболовством, не обнаружено. Практически на всех неолитических и энеолитических памятниках были найдены крупные грузила, долота, тёсла. Расположение памятников и находки орудий, прямо и косвенно связанных с рыболовством, свидетельствуют о том, что в период неолита-энеолита лов рыбы начинает играть все большую роль в хозяйственном укладе населения Чашкинского микрорегиона. На средневековых поселениях были обнаружены рыболовные крючки, остроги, грузила. Основными формами рыболовства были лжение рыбы, постановка сетей, лов на удочку.

Ключевые слова: рыболовство; камская неолитическая культура; волго-камская неолитическая культура; гаринская энеолитическая культура; средневековье; ломоватовская культура; родановская культура; Среднее Предуралье; палеорусловый анализ; грузило; пешня; острога; рыболовные крючки; индивидуальный лов; коллективный лов.

Чашкинское озеро расположено в Среднем Предуралье в бассейне Верхней Камы, между городами Соликамск и Березники Пермского края. В настоящий момент оно представляет собой систему старичных озёр, соединённых протоками в левобережье р. Кама. Правый берег озера – подтопленная пойменная низина, левый представлен уступом надпойменной террасы. На левом берегу расположен сосновый бор и небольшие участки смешанного леса, склон покрыт подлеском и кустарником. С западной стороны система старичных озёр соединяется протоками с Камой. Длина озера составляет 7 км. В озеро впадает более двенадцати родников.

На сегодняшний день на левом берегу известно более 20 археологических памятников [1, с. 8]. Они относятся к мезолиту (камская культура), неолиту (камская и волго-камская культуры), энеолиту (гаринская культура) и эпохе средневековья (ломоватовская и родановская культуры) (рис. 1). Палеорусловые исследования позволили частично реконструировать русло Камы в данном районе в различные эпохи [2, с. 492–496].

К сожалению, изделия из органических материалов в супесчаных почвах региона не сохраняются. Поэтому судить о развитии рыболовства на памятниках каменного века мы можем, опираясь только на орудия из камня.

Все орудия, которые могли использоваться в рыбной ловле в каменном веке, были поделены на орудия, свидетельствующие о развитии рыболовства прямо и косвенно. К прямым признакам наличия рыболовства мы относим находки пешней и грузил. Пешни могли использоваться для долбления льда в зимний период, а грузила применялись для сетевого рыболовства как летом, так и зимой [3, с. 12–17]. К косвенным признакам развития рыболовства можно отнести находки тёсел, долотовидных орудий и топоров, которые могли применяться для изготовления лодок, различных ловушек, запруд и т.д. В частности, В.В. Сидоров отмечает, что важнейшим инструментом, определяющим принадлежность к хозяйственно-культурному типу рыболовов, было тесло – инструмент для изготовления лодки-долбенки [4, с. 136]. В эту же группу могут быть отнесены вкладыши составных метательных орудий, которые могли использоваться в качестве лезвий гарпуна [5, с. 19; 6, с. 225].

Первоначальное освоение территории современного Чашкинского озера произошло в мезолите. К этому времени относится 5 памятников. Мезолитические памятники располагались на первой и второй надпойменных террасах, нередко были приурочены к небольшим ручьям, впадающим в озеро, т.е. не находились непосредственно на берегу реки [7, с. 70].